

ТЕАТР, КОТОРЫЙ МЫ ТАК ЛЮБИЛИ

Не случайно идея нынешнего театрального фестиваля имени Чехова родилась, когда мы еще были сверхдержавой: он проходит серьезно и с размахом. На церемонии открытия было все, что мог ожидать любящий вечные ценности зритель: важное лицо,

зачитывающее официальное приветствие, представитель правительства Москвы, представители стран-участниц.

Корзина цветов перед портретом Чехова. Заполненный до отказа зал, десятки людей, стоящих в проходах, почти детское ожидание радости, столь живо напоминающее о времени, когда мы так любили театр.

Первые фестивальные спектакли точно соответствуют зрительским ожиданиям — тоске по исчезнувшим ценностям и большому стилю. В этот стиль вполне вписались петербуржцы, которым пришлось труднее всех — и потому, что открывали фестиваль, и потому, что играли «Коварство и любовь» уже в восьмидесятый раз. Много мешало: где-то разладилась режиссерская конструкция спектакля, где-то своевольничали артисты — даже неподражаемая Алиса Фрейндлих играла, по моему мнению, скорее Скриба, нежели Шиллера. Выручили класс исполнения знаменитых товстоноговских актеров, романтический дар постановщика Темура Чхеидзе, сам образ ленинградского БДТ. Страны уже нет, но легенды ее живы.

Другая театральная легенда — Петер Штайн. Его «Вишневый сад» был просто-таки обречен на успех, потому что после штайновских «Трех сестер» все уже знали: хотите воочию увидеть систему Станиславского — смотрите берлинский театр «Шаубюне». И те, кто прорвался на спектакль, будто замороженные смотрели, как в первом акте за окнами старинного барского дома занимается рассвет, во втором догорают закат на скошенном поле, а в третьем пляшут кадрили и вальсы колоритные гости, словно сошедшие с полотен Федотова, и на фоне этого комического бала рыдает дама в роскошном туалете... Буквально как в чеховские времена: увидев, как во втором акте «Вишневого сада» актеры на сцене гонялись за комарами, автор пошутил: «В моей следующей пьесе кто-нибудь из персонажей обязательно скажет: «Какая удивительная местность! Нет ни одного комара».

Ошеломительный успех «Вишневого сада» Петера Штайна объясняется, безусловно, талантом гостей, но есть, думается, еще одна причина — ностальгия по театру, подробно воспроизводящему само течение жизни, театру, не обремененному ни затейливой режиссерской концепцией, ни ранящей душу сверхзадачей. Такой театр гармоничен, как японская акварель, и так же успокаивает, дает ощущение воздуха и простора. Его драматизм не надрывен, а тих и естествен, как это и бывает в действительности.

Но культивируя, казалось бы, мхатовскую манеру, Штайн достигает истинно немецкой остранности: даже участь Фирса, брошенного в пустом доме, воспринимаешь не столько как трагедию, скорее как последнюю точку, поставленную на ушедшей жизни.

Следующая фестивальная страница была украинской: солировали Богдан Ступка в спектакле Киевского театра имени Франко «Тевье-Тевель» и Лариса Кадырова в спектакле Львовского театра имени Заньковецкой «Ложь» по пьесе Винниченко. Эмоциональная активность зала напомнила о тех временах, когда встречи с искусством нынешнего «ближнего зарубежья» были куда чаще. Так что фестиваль воскрешает не только историческое прошлое, но и совсем недавнее, которое жалко терять. Тем более что политика вмешивается уже и в собственные театральные дела: из-за событий в Абхазии на фестиваль отказались приехать тбилисские театры — имени Руставели и имени Марджанишвили.

Нина АГИШЕВА

М.И., №43 28.10.92